

Метод Чанькуня Чжуоюя - вырезать путь на небе, будто бы ваять нефрит среди облаков, был явно лишён смысла, но и все идеи, что приходили в голову Ли Синлуню, оказывались не менее бесплодными. Он перебрал сотни путей: от попыток проникнуть сквозь землю до замыслов использовать остатки ци в собственном теле для взрыва барьера, от мысли о том, чтобы сложить плот из деревьев и подняться на воздушных потоках, до безумной затеи вырастить живую лестницу из лиан. Однако всё это было тщетой, как песочные замки перед приливом. Дело было не в недостатке ума или усилий, а в самой природе этого места. Существа долины могли покидать её не потому, что они сильны или хитры, а потому что принадлежали ей по рождению, были частью её дыхания, частицами её древней, застывшей в вечности жизни. Они не проходили сквозь барьер - они не воспринимались им как чужие. И единственный возможный способ последовать их примеру был захватить их тела, стать одним из них, хотя бы внешне.

Но и этот путь был закрыт. Во-первых, для захвата тела требовалась стабильная основа золотого ядра, уровень, которого Ли Синлунь ещё не достиг, и без этой силы любая попытка обратиться в другое существо закончится лишь рассеянием духа. Во-вторых, даже если бы он и обладал нужной мощностью, для перемены формы требовалась ци, которую здесь невозможно было направить, как нельзя зажечь огонь в воде. И, в-третьих, даже если бы ему удалось воплотиться в тело зверя долины, это не дало бы свободы: существа, выросшие под давлением божественной силы, потеряли способность усваивать обычную энергию неба и земли; их меридианы, перестроенные тысячами под влиянием запретного поля, больше не могли питаться ничем, кроме внутреннего эха долины. Культивация стала для них невозможной. Они были живыми мертвецами - не умирали, но и не развивались, не росли, не менялись.

Всё сводилось к одному ... тупику. К абсолютному, безысходному концу пути.

И тогда Ли Синлунь понял, почему за все эти века ни один из заточённых не вернулся. Он понял, что его собственные догадки, казавшиеся прозрением, уже приходили в голову каждому, кто когда-либо сидел на этих камнях, глядя в небо с глазами, полными надежды. Все они прошли через то же самое: размышления, опыты, отчаяние... и исчезновение. Потому что Долина Разбитых Душ была не просто ловушкой, она была перерождающей машиной, механизмом, стирающим личность, превращающим человека в часть своей вечной, бесконечной петли.

Вся ненависть, вся жажда мести, весь боевой дух, что горели в нём месяцами, теперь осели, как пепел после бури. Осталась только глубокая, холодная, бездонная пустота. Он посмотрел на Чанькуня Чжуоюя, который сидел, жуя дикий плод, и от удовольствия прищуривал глаза, будто наслаждался самым изысканным угощением мира, и вдруг подумал, что наверное, хорошо быть немного глупым. Не знать всего этого. Не видеть бездны. Тогда и отчаяния не будет, а будет лишь тишина, сладость фрукта, и свет в глазах.

Возможно, именно так и происходило с каждым из них. Чанькунь Чжуоюя может, и вправду был когда-то великим мастером, но, оказавшись здесь, испробовав все пути, потерпев поражение за поражением, в конце концов не смог принять эту реальность. И тогда разум его сломался или, может быть, спасся. Он забыл своё имя, своё прошлое, свою боль, и вместо этого внушил себе: «Я силен. Я важен. Я не могу быть побеждён». Это была не глупость - это была защита. Самогипноз, чтобы выжить в мире, где выживание бессмысленно. Чтобы можно было есть, спать, смеяться, плести шляпы из травы и не сойти с ума.

Станет ли и он таким однажды? Забудет ли лицо сестры, голос отца, крик матери в последний миг? Превратится ли в существо, которое знает лишь вкус фруктов и высоту своих прыжков?

Ли Синлунь резко качнул головой. Нет. Он не изменится. Не простит. Не забудет. Даже если его тело истлеет здесь, даже если душа его будет стёрта тысячекратно, он будет держаться за эту ненависть, как утопающий за соломинку. В лучшем случае он умрёт, и в момент перехода в мир подземных рек сделает всё, чтобы сохранить память. Пусть даже на это уйдут века. Пусть даже он родится червём или камышом, но однажды он снова станет человеком. И найдёт тех, кто уничтожил его дом.

Размышляя так, он пришёл к единственному выходу, доступному в этом заточении - самоуничтожение. Только смерть могла стать дверью. Только через гибель он найдет путь к новой жизни, пусть и в следующем круге перерождений.

Но, признав это в мыслях, он не собирался сдаваться. Он не был трусом. Пока его сердце бьётся, пока его кровь течёт, он будет бороться. Даже если победы нет - борьба сама по себе станет мстью.

— Ученик, — сказал вдруг Чанькунь Чжуоюй, аккуратно вытерев руки после еды и сев рядом с ним, — теперь, когда он перестал жадно грызть фрукт, в нём снова проступила та странная, почти нездешняя невозмутимость, словно маска глупца на мгновение соскользнула, открывая облик того, кем он был прежде. Его голос стал тише, движения - размереннее, взгляд - глубже. — Есть ли за пределами долины такие вкусные фрукты?

Ли Синлунь горько, но с тенью тепла усмехнулся.

— Фрукты? — произнёс он, вспоминая дом, запах жареного мяса над костром, сочные персики с родового сада, запечённую рыбу в глиняной корке. — За пределами есть всё. Если ты пробовал только эти дикие плоды, ты и не знаешь, что такое настоящая еда. Не знаю, как там с твоим «сердцем культивации», но если бы можно было, то я бы купил дичи, насадил на вертел и поджарил до хруста. Без приправ, без специй, но вкус был бы лучше, чем эти фрукты, хоть каждый день их ешь.

— Подожди, — прервал его Чанькунь Чжуоюй, и в его глазах мелькнуло нечто, похожее на тревогу. — Фрукты есть можно. Но животных... лучше не трогай.

— Почему? — удивился Ли Синлунь.

— Наклонись, — тихо спросил Чанькунь Чжуоюй. — Ты видишь муравьёв?

— ...Нет, — медленно ответил Ли Синлунь, оглядывая землю. — Я здесь давно, но... никогда не замечал.

— А летающих насекомых? Ты видишь их в воздухе?

— ...Тоже нет.

Его лицо изменилось. В груди шевельнулась ледяная догадка.

— А деревья в долине... Каков их возраст?

— ...Хотя они и не кажутся старыми, я однажды срубил одно ... на пне были плотные кольца. Десятки тысяч лет. Может, больше.

— А сколько животных ты видел? Когда их число превышало сотню?

— ...Никогда, — прошептал он. — Их немного. И всегда одни и те же. Те, что кружат вокруг... они не меняются.

Чанькунь Чжуоюй закрыл глаза. На его лице проступила не детская, не глупая, а древняя, как сама земля, печаль. В этот миг вся его наигранная наивность исчезла, и перед Ли Синлуном снова стоял тот, кого он увидел впервые - существо из тумана, прекрасное и отстранённое, будто вырезанное из лунного света.

— Возможно, однажды, — сказал он тихо, — и ты, и я станем такими же созданиями. Забудем прошлое. И будем перерождаться снова и снова, как они. Без имени. Без памяти. Без пути.

Его слова ударили Ли Синлуна, как гром среди ясного неба.

Да. Теперь он понял. Долина Разбитых Душ давно была отрезана божественным барьером от шести миров. Она стала отдельным малым миром, замкнутым, как капля янтаря. Культиваторы, падавшие сюда, не могли переродиться по законам кармы, их души не уходили в подземные царства. Вместо этого они, под воздействием божественной силы, теряли память, искажались, и рождались заново в виде существ долины. Здесь не было новых душ. Не было рождения. Только вечное перевоплощение.

Деревья выжили с времён Божественной войны. Их возраст исчислялся десятками тысяч лет. Животные, те самые, что бегают сейчас, не потомки зверей, а реинкарнации первых созданий, попавших сюда. Душа погибшего культиватора, очищенная от прошлого, становилась новой жизнью - птицей, зверем, даже насекомым. И эти существа, рождённые из ауры, были жадны до энергии, и поэтому они подбирали тела умерших практиков, пожирали их, чтобы наполниться тем, чего больше не могли получать сами.

Это был бесконечный цикл: падение, смерть, забвение, перевоплощение и охота на новых павших.

И никакого выхода. Даже смерть не спасала. Она лишь вела в следующий круг петли.

Ли Синлунь думал, что уже достиг отчаяния, но теперь он понял, что это и было настоящее отчаяние. Если бы он знал раньше, то лучше бы он позволил его убить тех, в чёрном. Тогда он переродился бы в шести мирах. Смог бы вспомнить. Смог бы отомстить.

— Ха... ха... ха... — он задрал голову к небу и засмеялся. Смех его был беззвучным, но глубоким, как провал. Глаза наполнились слезами, но слёзы не падали, будто даже тело отказывалось плакать в этом месте, где всё застыло.

Чанькунь Чжуоюй посмотрел на него, ничего не сказав. Он поднял ещё один дикий плод и начал медленно, размеренно, грызть его, будто возвращаясь в роль. Будто решив, что правда слишком тяжела для этого дня.

И в тишине, между камнями и тенями, два заточённых сидели под небом, что больше не принадлежало миру, и ждали, каждый по-своему, того, что никогда не придёт.

Он не знал, как пришло к нему это понимание, может, от тихого шелеста листьев, может, от взгляда на бегущих у ног зверьков, чьи движения были слишком одинаковы, слишком повторялись изо дня в день, будто они двигались не по своей воле, а по заранее начертанному кругу; но однажды он заметил, что Хайдунцин, тот самый сокол, что улетел из долины и вернулся спустя время, словно по собственной воле, не просто вернулся ... а он должен был вернуться, потому что был рождён здесь, под покровительством божественной силы, и вне её поля его тело начинало слабеть, меридианы пустели, а душа теряла опору, как пламя, лишённое воздуха, и потому, даже проведя долгие часы за пределами барьера, он всё равно возвращался, как путник, вынужденный вернуться в родной дом, хотя бы тот был тюрьмой, ведь выход за пределы долины был для него не свободой, а испытанием, как если бы человек вышел на дно океана и сделал несколько вдохов воздуха, прежде чем снова нырнуть в воду, это был не побег, а выход на воздух, но возвращение было неизбежным, как закат после дня, как сон после бодрствования, как забвение после боли.

И тогда Ли Синлунь понял, что даже если эти существа когда-то были людьми, даже если их души сохранились благодаря ненависти, любви или обету мести, самое милосердное, что могло с ними случиться - это забвение, ведь что может быть страшнее, чем помнить, кто ты был, и знать, что ты навеки заперт в цикле, где нет ни выхода, ни конца, где каждая новая жизнь лишь повторение старой боли, где ты снова и снова видишь тех, кого не можешь назвать, и чувствуешь то, что уже не в силах понять, и в этой бесконечной петле единственным утешением становится неведение, как сон, который лучше не прерывать.

— Ученик, не печалься, — вдруг сказал Чанькунь Чжуоюй, вставая с камня, и в этот момент вся его прежняя глупость исчезла, будто маска, снятая рукой времени, лицо его стало спокойным, почти торжественным, как у того, кто только что проснулся после долгого сна и вспомнил своё истинное имя, и в голосе его не было ни тени насмешки, ни детской самоуверенности, только твёрдая решимость, — есть ещё путь наружу.

Смех Ли Синлуна оборвался, будто перерезанный нить, он медленно повернул голову к тому, кто называл себя учителем, и говорил теперь голосом древнего мастера, и спросил, уже без насмешки, но и без надежды, словно задаёт вопрос ветру, который не обязан отвечать:

— Какой путь? Сплести из травы одежду и надеяться, что она унесёт меня сквозь барьер, а я последую за ней голый, как младенец?

Эту идею предлагал сам Чанькунь Чжуоюй раньше, и Ли Синлунь долго смеялся над ней, ведь даже если одежда из живой травы и сможет проникнуть сквозь барьер, сам человек останется внизу, привязанный к этому миру, как корень к земле, но теперь Чанькунь Чжуоюй не обратил внимания на издёвку, он лишь слегка улыбнулся и произнёс, будто объясняя очевидное:

— Нужно культивировать божественную силу.

— Что? — Ли Синлунь вскинул голову, словно услышал бред с уст умирающего, но в глазах Чанькуня Чжуоюя не было сумасшествия, а только холодная, рассчитанная ясность.

— Божественный барьер окружает всё дно Долины Разбитых Душ, — спокойно продолжал он, — и потому здесь невозможно использовать обычную ци; но если мы хотим разрушить эту печать, нам нужно не противостоять ей, а войти в неё; только сила, равная той, что создала барьер, может его преодолеть; это логично, как то, что огонь гасят не водой, а огнём более сильным, и потому наш путь не в бегстве, а в принятии, не в отрицании, а в трансформации.

Ли Синлунь сначала слушал внимательно, сердце его дрогнуло, а вдруг это и вправду путь? Но уже через мгновение он опустился на землю, прислонился спиной к холодному камню и горько усмехнулся:

— Да хоть бы и так... Но разве наше человеческое тело способно выдержать божественную силу? Она сожжёт нас, как бумагу в пламени; а где взять метод культивации божественной энергии? Кто из нас знает, как стать богом? Да и сами мы уже наполнены истинной энергией, она будет отторгать божественную, как яд; чтобы начать, нужно сначала уничтожить свои меридианы, освободить даньтянь, стереть всё, что мы накопили; и даже если мы доберёмся до этого, даже если сломаем себя... когда мы выберемся, за пределами долины не будет божественной силы, и мы станем как рыба на суше, не сможем культивировать, не сможем жить; забудь, зачем я вообще это объясняю? Мы даже сейчас не можем отменить свою практику, мы и шага сделать не можем назад.

— Ученик, — сказал Чанькунь Чжуоюй, глядя на него с высоты своей невозмутимости, — сегодня я преподаю тебе первый урок: никогда не говори «невозможно»; попробуй сначала; если не получится у тебя, это не значит, что не получится у учителя; возьми свой кинжал, попробуй вырезать что-нибудь на скале, посмотри, оставит ли он след.

Ли Синлунь нахмурился, он вспомнил тот день, когда Чанькунь Чжуоюй, стоя на пальцах, легко вырезал слова в камне, будто резал масло, а он сам, со всей своей силой, не мог даже проделать царапины на поверхности, чтобы сделать ступеньки для восхождения; он достал

кинжал, глубоко вдохнул и с усилием вонзил лезвие в скалу; оно отскочило, как от железа; он попробовал снова, и снова, безрезультатно; он посмотрел на оружие в своих руках, будто впервые его увидел, и прошептал:

— Как же ты тогда смог?..

Чанькунь Чжуоюй молча взял кинжал, подошёл к стене и одним плавным движением, без усилия, без колебаний, вырезал на камне крупными, уверенно стоящими иероглифами: «Чанькунь Чжуоюй был здесь в гостях»; Ли Синлунь молчал, он не знал, был ли Чанькунь Чжуоюй действительно великим мастером раньше, но одно понял точно, что если тот и впрямь найдёт путь наружу, то станет легендой, правда, будет ли эта легенда о славе... или о безумии, о странном человеке, который вырезал своё имя на стене заточения, останется вопросом.

— Тогда... у тебя есть способ культивировать божественную силу? — спросил он, глядя прямо в глаза. — Ты вспомнил?

— ...Это... — Чанькунь Чжуоюй вдруг отвёл взгляд, медленно провёл пальцами по только что вырезанным иероглифам, будто проверяя, настоящие ли они, и в этом жесте было что-то тревожное, как будто он сам сомневался в том, что только что сделал.

— Ладно, — пробормотал Ли Синлунь, опуская голову, — мне лучше подумать, какое существо я стану в следующей жизни; выберу что-нибудь с крыльями; хотя бы иногда смогу вылететь из долины... подышать вольным ветром.

— Не говори так! — вдруг схватил его за рукав Чанькунь Чжуоюй, и в его голосе впервые прозвучала не игра, не глупость, а искренняя тревога, — я попробую, я попробую прямо сейчас, как учитель!

Ли Синлунь посмотрел на него, на этого странного человека, что то впадает в детское веселье, то говорит, как древний бессмертный, то хватается за край его одежды, как потерянный ребёнок... и вдруг почувствовал, как внутри что-то дрогнуло: «какой жалкий учитель», — подумал он, — «хватается за угол чужой одежды, будто это последняя нить, связывающая его с реальностью»;

Но, может быть, именно в этом и была сила... не в знаниях, не в памяти, а в том, что он не сдавался, даже если весь мир считал его глупцом, даже если выхода не было, он всё равно хотел попробовать, и, глядя на него, Ли Синлунь вдруг понял, что может быть, отчаяние - это не конец, а надежда, даже без оснований, всё ещё имеет цену.

П.П ну всё, минутка экзистенциального кризиса почти закончилась >_-

<http://bllate.org/book/14629/1297981>